Национальность и язык во Всероссийской переписи населения–2002 в Дагестане
(этнографический очерк)

Энвер Кисриев

I

Вопросы национальности и национальных языков в полиэтничном Дагестане всегда выступали как наиболее животрепещущие темы общественно-политического дискурса. Это связано с целым рядом причин и обстоятельств. Прежде всего, с тем, что национальность – и как определенная общность, и как атрибут личной идентификации, и как чрезвычайно важная составная часть политической структуры – играет очень важную роль в общественных отношениях Дагестана.

Новый режим, сформировавшийся в Дагестане после развала СССР, включил национальность в свою политическую систему. Так, высший исполнительный орган власти (Государственный Совет Республики Дагестан), как это четко определено Конституцией, состоит из 14 человек, при этом от каждой национальности в нем может быть представлен только один человек. Выборы в парламент (Народное Собрание РД) организуются в соответствии с законом так, чтобы в нем обязательно были представлены все национальности. Более того, число представителей от каждой них должно отвечать соотношению их численности в населении республики[1].

Это и многое другое, связанное с устойчивой политической традицией «представительства национальностей» в республиканских органах власти и управления, сделало вопросы численности и, соответственно, «политического веса» каждой дагестанской национальности

[1] Подробнее о значимости признака национальности в политической системе Дагестана можно прочитать в работах: *Кисриев Э. Ф.* Национальность и политический процесс в Дагестане. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1998; *Кисриев Э. Ф.* Модель «со-общественной демократии» и опыт политического развития Республики Дагестан //Мультикультурализм и трансформации постсоветских обществ. М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002.

чрезвычайно значимыми не только для представителей республиканкой элиты, но и для широких слоев общества. Если рядового дагестанца спросить о численности той или иной национальности республики, полученный ответ, как правило, будет свидетельствовать, что он хорошо осведомлен о том, какой народ самый многочисленный, какой «стоит» на втором, третьем и т. д. месте по этому показателю. Многие относительно верно называют численность своего и других народов Дагестана. Ранжированные по численности перечни национальностей, составляемые по многообразным поводам, – обычное дело в республике, своего рода национальная «табель о рангах».

Другой фактор, делающий в последнее время в Дагестане вопрос о численности народов особо возбуждающей широкую общественность темой, – прогнозы – которые может подтвердить (или не подтвердить) перепись населения, – согласно которым ожидаются некоторые важные перестановки в этой «табели о рангах».

Так, численность лезгин, по всей видимости, превысит численность кумыков. А пока что кумыки – третий по величине народ республики, и это обстоятельство твердо увязывается с тем, что один из трех высших республиканских постов обязательно должен занимать кумык.

Ожидаются и другие перестановки: лакцев станет меньше, чем табасаранцев, а число чеченцев, по-видимому, превысит численность и тех, и других. Всего несколько лет назад чеченцев-аккинцев в Дагестане было более чем вдвое меньше, чем лакцев, теперь же они, судя по всему, «передвинутся вперед» сразу на несколько позиций. По своей численности они могут превзойти даже русских, которые еще совсем недавно были одним из самых многочисленных этносов Дагестана. Есть основания предполагать также, что численность татов, одного из малочисленных народов Дагестана, может еще сократиться – не только из-за интенсивной миграции за пределы республики, но и из-за того, что многие таты в последние годы предпочитают идентифицировать себя с евреями.

Немаловажным обстоятельством, делающим тему национальностей актуальной, следует считать также распространившееся среди представителей ряда малочисленных этноязыковых групп (включаемых в настоящее время в состав крупнейших дагестанских народов – аварцев и даргинцев) стремление обрести статус самостоятельных национальностей. Достижение этой цели дало бы представителям элит этих групп право на получение гарантированных мест в органах высшей республиканской власти и иных экономических и социокультурных преимуществ.

В последние годы в Дагестане также значительно возрос интерес к национальным языкам. Увеличилось число публикаций, посвященных снижению роли национальных языков в жизни общества, уменьшению доли людей, знающих свой «родной» язык, значению языка как этнического признака и т. д. В предшествующий переписи период в республиканских газетах развернулась дискуссия на эти темы, были высказаны различные предложения о «спасении» родных языков, сохранении языкового своеобразия и даже о необходимости создания синтетического языка – нахдага, – который мог бы объединить все народы Дагестана, чеченцев и ингушей в единую языковую общность[2].

Пристальное внимание общественности к национальной проблематике вызвало накануне переписи организационную активность части национальных элит. Они задались целью держать ход переписи в поле зрения и, насколько это возможно, влиять на него, чтобы ее результаты были максимально благоприятными для их национальностей.

Исходя из сказанного легко понять, что руководство республики отнеслось к организации переписи со всей тщательностью. Особые усилия, во избежание разоблачений и скандалов, прилагались к тому, чтобы исключить приписки, искажающие реальную численность национальностей.

II

Перепись в Дагестане началась ранее установленной официальной даты (9–16 октября 2002 г.): в высокогорных селениях Ахтынского, Докуспаринского, Рутульского и Цумадинского административных районов республики она проводилась с 29 августа по 5 сентября. Здесь уже в сентябре выпадает снег, что при отсутствии телефонной связи и хороших дорог очень осложнило бы перепись, проводись она в октябре. Несколько позднее, в первой половине сентября, она осуществлялась в труднодоступных селениях Тляратинского и в населенных пунктах Цунтинского административных районов.

Сроки для проведения переписи в этих местах выбирались с учетом того, что к этому времени здесь завершаются сельскохозяйствен-

[2] См.: *Гаджиахмедов Н.* Многоязычный Дагестан: проблемы без перспектив //«Дагестанская правда». 2002. 17 июля; *Мигиров Ш.* Таты – евреи или..? //«Молодежь Дагестана». 2002. 28 июня; *Абдусаламов А.* Таты – не евреи! //«Молодежь Дагестана». 2002. 19 июля; *Осипова М.* В защиту родного языка //«Дагестанская правда» 2002. 24 июля; *Магомедов М.* Многоязычие Дагестана: благо или проблема? //«Молодежь Дагестана». 2002. 6, 13 сентября; Сколько нас? Какие мы? //«Махачкалинские известия». 2002. 27 сентября; *Уразакаев Е.* Мы – не татары //«Новое дело». 2002. 4 октября.

ные работы (особенно на альпийских лугах, где горцы летом пасут скот), но еще не началась сезонная зимняя миграция, связанная с работой на равнинных пастбищах или в городах.

Непосредственной переписной работой здесь, как правило, занимались сотрудники, присланные из райцентров и из Махачкалы. Ее существенно затягивало традиционное гостеприимство горцев и их стремление передать через переписчиков свои запросы и требования властям: проведение переписи стало для местного населения первым за многие годы проявлением внимания со стороны государства. Кроме того, они задавали много вопросов и спрашивали совета по различным проблемам. Особенно волновала их проблема перекупщиков сельхозпродукции.

Этот опыт учли. Переписчики получили инструкцию не отмахиваться от посторонних вопросов, а записывать требования и пожелания населения для последующей передачи в администрацию района.

В районах, где перепись проводилась досрочно, проживают представители 13 народов Дагестана (из 30):

1) лезгины[3]	(население Ахтынского и Докуспаринского районов и нескольких селений в Рутульском районе);
2) аварцы	(население Чародинского и значительной части Цумадинского и Цунтинского районов);
3) рутульцы	(Рутульский район);
4) лакцы	(2 селения в Рутульском районе);
5) азербайджанцы	(селение в Рутульском районе);
6) *багвалинцы*	(Цумадинский район);
7) *тиндинцы*	-"-
8) *хваршинцы*	-"-
9) *чамалинцы*	-"-
10) *бежтинцы*	(в Цунтинском районе)
11) *гинухцы*	-"-
12) *гунзибцы*	-"-
13) *цезы*	-"-

В южном Дагестане, где расположены Ахтынский, Докуспаринский и Рутульский районы, все этнически различимые общности имеют статус национальностей. И никаких проблем, связанных с этнической идентификацией, здесь не возникало – ни для переписчиков, ни для населения. В этнически смешанных семьях национальность детей все-

[3] Разрядкой выделены этнические общности, имеющие статус «титульных национальностей», а курсивом – имеющие такой же статус общности этнографические.

гда определяется по отцу, хотя в реальной жизни этнические параметры, особенно язык, скорее передаются по материнской линии.

На северо-западе Дагестана, в Цумадинском и Цунтинском районах, проживают 8 общностей, причисляемых к аварцам, но имеющих самостоятельную этническую идентичность: багвалинцы, тиндинцы, хваршинцы, чамалинцы, бежтинцы, гинухцы, гунзибцы и цезы. Мы не будем останавливаться на дискуссиях относительно их этнического статуса. Отметим лишь, что движение за обретение этими группами статуса «титульных» национальностей, т. е. таких, которые записываются в деловой документации отдельной строкой, в значительной мере обусловлено указанными выше особенностями политического устройства республики.

Заметим, что утвердившееся в научных кругах Москвы мнение, будто андо-дидойские народы были «насильственно» присоединены к аварцам, не соответствует действительности. Причинами такого заблуждения послужили, по всей видимости, утвердившиеся в современной интеллектуальной среде два устойчивых предубеждения: 1) что все вопросы этнического характера при коммунистическом строе решались начальственным произволом и администрированием, и 2) что этнос, имеющий самостоятельные «этнические признаки», не может добровольно желать быть интегрированным в состав «другой» национальности.

Прежде всего, в традиционном Дагестане вообще не было «идеи национальности» и, следовательно, существующего в настоящее время деления дагестанцев на национальности. Самое понятие «этнокультурная общность» здесь было неизвестно: различали джамааты – низовые политические общности полисного типа. Они объединялись (на добровольной или добровольно-принудительной основе) в союзы – федерации или конфедерации джамаатов. Обширные письменные источники, содержащие политико-правовые документы, достаточно полно характеризует внутреннее устройство и взаимоотношения джамаатов. Многие джамааты т. н. андо-дидойских народов были политически тесно связаны с «Аварским ханством» – союзом джамаатов на Хунзахском плато. Язык войска (болмац) всех объединенных сил и союзов джамаатов этой части Дагестана – знание которого, помимо своего, «джамаатского», языка, было необходимо любому жителю этой части Дагестана – сформировался на основе языка обитателей Хунзахского плато[4]. На ней же развилась общая для всего населения региона богатая песенная и литературная традиция.

[4] То есть аварцев; аварцами в традиционном Дагестане называли только хунзахцев.

Поэтому интеграция андо-дидойских народов с аварцами, происшедшая в XX в. в контексте нового, «национально-этнического» осмысления реальности, привнесенного коммунистической идеологией, была вполне естественной. Характерно, что аварцы, проживающие за пределами Хунзаха и говорящие на отдельном диалекте аварского, часто знают литературный аварский язык хуже, чем представители ботлихцев, годоберинцев, хваршинцев и других упомянутых выше групп, имеющих свои собственные языки.

Образование единого аварского народа не могло быть, как иные думают, результатом волевого решения «аварского руководства республики» (1948–1967 гг.). Дело в том, что тогда «этническая интеграция аварцев» идеологически обосновывалась «процессом сближения близких этносов в единую общность». Однако в состав аварцев вошел и один «лезгинский» микроэтнос – арчинцы (численность на дату, о которой идет речь, – менее 1 тыс. человек). «Аварское руководство» могло бы без особых для себя потерь «уступить» их лезгинам или выделить в отдельный народ, как цахурцев, агульцев и рутульцев. Так бы и произошло, если бы решение вопросов этнокультурной идентификации всецело зависело от воли администрации. И не случилось по простой причине: арчинцы совершенно обоснованно посчитали себя аварцами, поскольку, как и все андо-дидойские народы, в течение столетий входили в ареал политического и культурного влияния Хунзаха.

В наши дни, когда традиционные связи и ценности существенно подорваны, ряд представителей этих общностей стали выступать с требованиями о выделении в отдельные национальные единицы.

В ходе переписи в Цумадинском и Цунтинском районах названные политические настроения заметно сказывались. Целенаправленно влиять на выбор населения было трудно. Конечно, часть местной районной элиты могла побуждать граждан, принадлежащих к малым общностям, записываться отдельной национальностью. Однако противники ломки сложившейся системы (в том числе республиканское руководство) также могли оказывать влияние. Как мы узнали от переписчиков, в ходе переписи в равной мере проявились обе ориентации. Записывались по-разному, например: багвалинец или багвалинец-аварец, или аварец-багвалинец. По нашим наблюдениям и по данным экспертов, подавляющее большинство представителей андо-дидойских народов так или иначе отразили в переписных документах принадлежность к своему «малому» этносу.

Вот характерная выдержка из интервью с одним из жителей Цумадинского района – багвалинцем по «узкой» этнической принадлежности.

Вопрос: Как ты запишешь свою национальность?

Ответ: Я запишусь и багвалинцем и аварцем. То, что я багвалинец, никогда не ставилось под сомнение, просто в городе не принято было говорить о таких подробностях. Там все равно ничего не поймут в этих деталях. Но я также и аварец, и мой отец записывался аварцем. Я знаю литературный аварский язык не хуже андаляльца, батлухца или, скажем, чохца. (Здесь указаны аварцы, говорящие у себя «дома» на диалектах аварского языка. – *Э. К.*) Мы – аварцы, но мы имеем и свою национальность и должны иметь квоты представительства в Госсовете и депутатские места в Народном Собрании. Почему у нас этого нет, чем мы хуже агулов, которых наверху оказалось очень много! И язык наш тоже можно поддерживать, хотя бы на нашем районном уровне.

Вопрос. Это только твое мнение или так думают все или большинство?

Ответ: Это мое личное мнение, но так думают почти все. Есть, конечно, такие, которые вообще отрицают, что мы аварцы и даже говорят, что мы были от них независимыми и т. д. Конечно, мы были независимыми и, конечно, мы не «авары» (здесь, по-видимому, имеются в виду жители Хунзахского плато, собственно Аварии. – *Э. К.*), но что мы, чем-нибудь хуже них, что ли?! Что согратлинцы тоже не хунзахцы, все знают, но никто же не говорит, что они не аварцы. Есть, конечно, и такие, которые говорят: «не надо писаться багвалинцами», что это «на руку нашим врагам», что «этого хотят те, кто мечтает раздробить аварцев и сделать из нас кучу маленьких народов». Есть такие споры.

Абсолютное большинство жителей рассматриваемых районов указали, что знают русский язык, и это так и есть, хотя русскоязычным и образованным людям может показаться, что это знание у многих оставляет желать лучшего. В графе: «какой другой язык вы знаете» опрашиваемые почти всегда указывали «родной», т. е. язык, одноименный с национальностью. В «аварских» районах, помимо русского и «своего» (багвалинского, бежтинского, гинухского и т. д. языков), как правило, указывали и аварский язык.

III

Перед началом повсеместной переписи, с 4–7 октября, проводился так называемый нулевой обход: обход квартир, знакомство переписчиков со своими участками, агитация и пропаганда предстоящих дел. В Махачкале с началом «нулевого обхода» выяснилось, что жители, к кому заходили переписчики, требовали тут же начинать перепись, что они были не намерены повторно пускать в дома «праздношатающихся»

переписчиков. Поэтому, чтобы не создавать указанных сложностей и дать больше времени на выполнение задания, переписчикам было разрешено начать перепись с «нулевого обхода».

В Махачкале перепись населения проходила с наибольшими трудностями. В отличие от остального Дагестана, в том числе и других городов республики, в столице организаторы переписи и переписчики столкнулись с сугубо урбанистическими сложностями: большим числом неучтенного и не желающего учитываться населения, проблемой «закрытых дверей», агрессивными или индифферентными отказами от участия в переписи, экзотическими или причудливыми ответами на вопросы анкеты и т. п.

Население Махачкалы очень динамично. По мнению руководства городской Комиссии по проведению переписи, здесь можно выделить три категории мигрантов:

1. Граждане Азербайджана, Армении, Грузии и некоторых других стран бывшего СССР, прибывшие сюда на заработки и стремящиеся здесь остаться из-за невыносимых условий жизни на родине. Из этого потока только мигранты из Грузии поддаются эффективному контролю, поскольку есть визовый режим и все легко отслеживается. Учет прочих мигрантов – главным образом из Азербайджана и Армении – проходит намного сложней.

2. Внутрироссийская миграция. Из России к нам приезжают (а также уезжают) главным образом бывшие жители республики или этнические дагестанцы. Оборот этого миграционного потока велик, но его удается довольно успешно отслеживать.

3. Внутриреспубликанская миграция в Махачкалу. Ее оборот в сопоставлении с общей численностью населения Махачкалы огромен. Из сельской местности и других городов республики в Махачкалу переселяются и проживают здесь без регистрации десятки тысяч дагестанцев.

По официальным данным, сейчас в Махачкале проживает около 400 тыс., но действительная цифра, по мнению авторитетных экспертов, давно превысила отметку 500 тысяч. Главная трудность переписи – максимально полный учет реально проживающих в Махачкале.

Наблюдение за ходом переписи и опросы (постфактум) переписчиков показали, что случаев, когда переписчика отказывались пускать в квартиру, было немного. Там, где дверь не открывали, соседи, как правило, подсказывали, есть ли вообще за ней жильцы и если да, то когда лучше всего прийти. Несколько чаще сложности этого рода возникали перед дверями «дворцов». Здесь же значительно труднее было узнать, живут ли в этом доме вообще.

Более сложным оказался учет иностранных студентов. Их много учится в махачкалинских вузах, но ни они сами, ни те, кто сдает им жилье, не проявляли стремления содействовать их переписной регистрации. Руководству Комитета по статистике пришлось добывать сведения о них непосредственно в ректоратах вузов.

С пониманием, что такое национальная принадлежность, ни в Махачкале, ни в республике в целом особых проблем не возникало. Подавляющее большинство опрашиваемых без затруднения отвечали на вопрос о национальности. Изредка имели место нестандартные ответы, чаще всего «дагестанец». По оценкам переписчиков, так, как правило, отвечали русские, дети разнонациональных супругов, чьи родители не принадлежат к дагестанским народам, и представители редких для республики национальностей.

Приведем несколько различных высказываний опрошенных в Махачкале по поводу пункта «национальность» в переписном бланке.

«Про национальность надо знать. Особенно интересно, сколько тех малых национальностей, которых раньше в статистике не было».

«Численность народа в статистических и официальных данных означает что, во-первых, мы есть, как таковые, и, во-вторых, сколько нас есть. Это как сертификат – госзнак. С этим нельзя будет не считаться».

«Про национальность все скажут правду, трудно представить, что кто-то стесняется своей национальности. Таких быть не может».

«Про национальность надо знать, потому что не все национальности живут одинаково. У одних статистические показатели (жилье, доход и прочее) получатся намного лучше, чем у других. Есть национальности, которые лучше живут из-за политики властей. Это надо знать, чтобы исправить».

«Зачем спрашивать про национальность, если ее не учитывают в паспортах и в официальных документах. Из спортивного интереса?»

«Кончено, человек волен назвать национальность, какую он считает для себя правильной. Но зачем разрешать называть себя "марсианами"? Такой национальности, все знают, – нет. Значит, кто-то хочет поиздеваться над национальными чувствами людей. И это им разрешают делать!».

«Таких дураков, что стесняются своей национальности, не должно быть. Нет плохих или хороших народов. И чем малочисленней народ, тем интересней для всех представитель этого народа. Это, во-первых, а во-вторых – приписаться "на халяву" к "великому народу" – это как бы получить частичку его "величия" для себя. На такое способен только маленький человек. Он только добавит "великому народу" частичку своего ничтожества».

«Не нужно было про национальность спрашивать. Знание, кого сколько и прочее, приводит к ненужным и нездоровым разговорам и сравнениям статистических величин, как будто это касается всех людей одной национальности. Это порождает национальную мифологию, а практического толка нет».

В один из последних дней переписной кампании имел место знаменательный инцидент. Группа людей, представившаяся «активистами махачкалинской общины каратинцев» (каратинцы – один из малочисленных этносов, проживающий в нескольких селениях Ахвахского района и входящий в аварскую национальность), явилась в здание республиканского Комитета по статистике и потребовала дать им возможность проверить, как определили свою национальную принадлежность их земляки, проживающие в Махачкале. Разумеется, такой возможности им не предоставили. Этот инцидент свидетельствует, что в некоторых случаях вопрос об определении национальной принадлежности пытались решать путем принятия каких-то коллективных резолюций и взаимных обязательств.

Вот что сказал по этому поводу корреспонденту один ответственный работник, принимавший участие в организации проведения переписи в Дагестане.

Вопрос: Известно ли Вам, что в республике есть определенные национальные группировки, которые намереваются как-то повлиять на ход переписи с тем, чтобы их национальность выглядела в ее итогах как можно лучше?

Ответ: Да, до нас доходит информация о таких узконационалистических группировках, в которые иногда входят довольно влиятельные люди. Они обсуждают вопросы такого воздействия на перепись, которое бы привело к тому, чтобы их этническая общность выделилась в отдельную национальность или чтобы их национальность предстала в итогах переписи как можно более многочисленной. Есть деятели, которые прямо выходят на нас с заявлениями, что они подозревают возможную фальсификацию итогов переписи в пользу той или иной национальности и что они ставят своей целью не допустить этого. Словом, имеет место нездоровый национальный интерес к переписи.

Вопрос: Что вы намерены делать или делаете в связи с этим?

Ответ: Любому неглупому человеку ясно, что в Дагестане в связи с этим самое правильное – строго следовать инструкциям и не поддаваться ни на какие искушения что-то подставить, чего нет, или подправить в «свою» пользу. Это понимает каждый, кто будет практически заниматься переписью. У нас в Дагестане все будут следить за тем, что и как делается по этой части, и я не позавидую тому, кто попробу-

ет мухлевать. А кто попробует – получит: если не по лбу с одной стороны, то в лоб – с другой. У нас, в нашей работе, практический принцип может быть только один: «если не хочешь неприятностей, делай все правильно, по инструкции».

По наблюдениям и оценкам экспертов, в Махачкале значительная часть населения плохо знает или вовсе не знает свой родной (национальный) язык. В этой связи было любопытно узнать, какими будут ответы на вопрос о знании национального языка в переписных листах. Большинство переписчиков, с кем беседовали по завершении работы, не отметили никаких сложностей по этому пункту. Некоторые припомнили случаи, когда опрашиваемые говорили, что не знают языка своей национальности, но настаивали, чтобы в переписи было записано, что они его знают. На вопрос, зачем же писать «знаю», если не знаешь, как правило, отвечали: «меня могут отнести к русским по национальности, если я знаю русский, а своего языка – не знаю», или: «не хочу, чтобы у нашей национальности процент не знающих свой язык оказался более высоким, чем у других народов».

Вот несколько характерных высказываний по поводу национального языка, почерпнутых из интервью с респондентами, отвечавшими на вопрос: Как Вы ответили на пункт переписного бланка «какие еще языки Вы знаете?»

«Я плохо знаю свой родной язык. Могу только общие слова сказать, приветствия: "как дела" и прочее. Но я указал в переписи, что знаю свой язык, и уверен, что так поступит большинство, даже те, кто вообще ничего на своем не знают. Ведь в соответствии с переписью будет строиться государственная политика, в том числе языковая. Я не хочу, чтобы мой родной язык оказался ущемленным из-за того, что я и другие не удосужились в детстве, когда жили со своими бабками и дедами, хорошенько им заняться».

«Я указал, что, конечно, знаю русский, а потом, что знаю свой родной ахвахский и что знаю аварский. Указал также, что знаю английский, хотя знаю его плохо, но учил в школе и кое-что могу сказать».

Всплеск общественного внимания к национальной проблематике и связанной с этим активности, имевший место в Дагестане в связи с Всероссийской переписью населения 2002 г., несомненно, окажет воздействие на данные, которые будут получены в результате ее проведения.